

О новом общественном идеале

Грядущая Атлантида

«Что то золотое брезжится мне в будущей России. Какой то в своем роде «апокалиптический переворот» уже в воззрениях исторических не одной России, но и Европы».

(Розанов. «Апок. нашего времени»).

Говоря об Атлантиде, величайшем мифе древности, мы, само собой разумеется, имеем в виду современность, пользуясь мифической идеей-символом затем, чтобы лучше уяснить и выразить нашу идею. Эта наша идея — идея организации мира, творческого осуществления всемирно-исторически назревшего «Золотого Века» в жизни человечества, идея грядущего титанического мирозозерцания.

В самом деле, ведь Платоновский миф об Атлантиде и есть миф о «Золотом Веке», именно так понимаемом, об осуществленном «царстве Божьем на земле», о гармоническом миропорядке. Атлантида — страна совершенного жизнеустройства, «рай на земле». В ней, вместе с реализованной мощью и величием человека, как бы исполнилась изначальная мечта его, когда сила стала добром, и добро стало торжествующей силой.

Мечта эта — мечта по жизненному идеалу соответствующему идее титанического мирозозерцания, и в этом смысле миф об Атлантиде — наиболее яркий древний символ этого идеала. Атлантический по самому своему понятию значит гигантский, необъятный, исполинский, что соответствует духу нашего времени — с его волей к огромному, необъятному, грандиозному. И говоря об исполинском зодчестве Атлантов, о их технике и власти над Природой, Платон в наивно-детском, примитивном образе мифа гениально предвосхитил то грядущее покорение человеком Природы, которого мы теперь являемся свидетелями. Только мы еще не сделали тех выводов из достигнутой мощи и величия современного человека, которые бы соответствовали смыслу мифа Платона. Идея и идеал титанического мирозозерцания и являются такого рода выводом. Об одном из таких грандиозных сооружений своей мифической страны, гигантском канале, Платон говорит: «Трудно поверить, чтобы он мог быть созданием человеческих рук» (Platon. Krit.). Но тогда, что же сказать о большинстве наших, непостижимых для того времени, созданий?! Именно поэтому в

наше время нельзя уже только мечтать и творить мифы, ибо действительность превзошла все мечты, все возможные человеческие мифы. Наше время поэтому не время мечтаний и созданий мифов, а реализации всего того, что когда либо было мечтой, что когда либо было мифом, в частности, и величайшего из мифов, мифа об Атлантиде, этого «рая на земле», подлинного, в творчестве обретенного «Золотого Века». Только так, символически толкуя и раскрывая смысл этого символа в свете нашего времени, которое одно только и может его осветить, следует подходить к этому сказанию об Атлантиде, величайшему созданию величайшего из людей древности, чтоб можно было уяснить весь его глубокий духовно-нравственный смысл, все его исключительное всемирно-историческое значение.

Атлантида — миф и в качестве такового, она не есть, само собой разумеется, ни «форма», ни «план», ни образ известного жизнеустройства. Она вообще не составлена из «реальных» линий и очертаний и не нуждается в них. Она — символ. Ее надо разгадывать и истолковывать. И такой подлинной разгадкой и истолкованием ее и служит наступающее новое время, с его раскрывающимися необъятными возможностями, с его потенциально тягущейся Абсолютной целью, осознаваемой в рождающемся новом, титаническом мирозерцании. Атлантида — вечный сон древнего человечества, которому лишь теперь, с новой, зарождающейся эрой человеческого существования, суждено стать явью. Быть может, не случайно то, что и в иных своих аспектах «проблема Атлантиды» лишь в наше время стала каким то образом впервые актуальной. Ибо лишь в наше время становится впервые возможным из под шелухи мифического одеяния ее извлечь заключенное в этом мифе зерно замечательной и радостной реальности.

«Атланты» — люди победившей человеческой мечты, мечты единства человека и мира, — осуществленной Гармонии. Соединители Земли и Неба, они подвижники и вдохновители Земли и творцы и носители Неба. Они люди-боги, творящие и преодолевающие себя, утверждающие и отрицающие всякий объективный порядок. И люди эти — люди грядущего исторического Дня человечества, образ его назревших творческих возможностей.

В свое время это слово-символ: Атлантида, было произнесено и в социалистической литературе, хотя беспросветный образ муравейника социализму, действительно, более годится в прообразы, чем величественный образ Атлантиды. Ибо на самом деле нет большей противоположности, чем между этим солнечным, лучезарным царством Атлантиды, основанным на духе прометеевского титанического мирозерцания и убогим, пошлым и мещанским царством социализма, основанным на духе скотского материалистического мирозерцания.

Может быть, с большим основанием это слово встречается в некоторой из так называемой «окультурной» литературы (например, в антропософии), хотя бы уже потому, что обращенность здесь к мифическому прошлому часто была лишь бессознательным способом видеть реальное будущее. В этом смысле теперь очевидно, что в древней алхимии, например, было куда больше от истины, раскрывшейся потом в современной химии, чем у только отрицавшего ее тогдашнего материализма. И наше отношение к мифу об Атлантиде таково, каково отношение современной химии к древней алхимии.

В известном смысле таково вообще отношение, утверждаемого нами титанического мирозерцания к древнему теологическому мирозерцанию. В связи с этим отношением решающая разница между ними состоит в том, что первое мирозерцание футуристично и для него «Золотой Век» в частности задан в будущем, как предмет достижения, второе, поскольку оно остается в аспекте времени, — ре-

ретроспективно, и для него этот идеал был дан в прошлом, как предмет прошедшей утраты.

Мир всегда колебался между двумя противоположными типами сознания, с противоположной обращенностью — к прошлому и к будущему, что вытекает из самой природы бытия и человека. Человек не может и не должен верить в окончательность торжества зла в мире. Это бы противоречило его метафизической совести и закону бытия, как закону положительному. Поэтому, в то время как для ретроспективного теологического сознания так, как **есть**, не всегда было, для футуристического титанического сознания так, как **есть**, не всегда будет. Для одного **настоящее** таково оттого, что все стало хуже, для другого оно таково оттого, что еще не стало **лучше**. Поэтому для первого по **есть** состояние утраченного «Золотого Века», для второго оно **есть** состояние «Золотого Века» еще не обретенного.

Тем самым, относя все идеальное в прошлое, в качестве **утраченного**, теологическое мирозерцание **есть** мирозерцание пессимистическое. Оно не только не знает положительного смысла Истории — этого пути титанического мирозерцания, но утверждает ее отрицательный смысл, смысл падения, выхождения, потери и гибели. Таким пессимистическим духом исторического нигилизма веет и от платоновского сказания об Атлантиде. В **этом** смысле миф о затонувшем материке, стране совершенного жизнеустройства, **есть** того же рода, что и библейское сказание об утраченном рае, о «семирном потопе», у нас о затонувшем Граде Китеже и т. п. Сознание это, враждебное жизни и творчеству, всегда точно намеренно создавало величественные истор. символы лишь затем, чтоб, показав их в их замысле и факте, тем самым дискредитировать и обеславить их. В этом основная ложь и проявление внутренней несостоятельности этого мирозерцания. Оно видит бытие в патологически обратном историческом порядке, поэтому оно всюду, в конце концов, видит лишь **небытие**. Таков, в частности, и миф об Атлантиде в свете этого теологического мирозерцания; и нужно рассматривать его сквозь призму титанического мирозерцания, чтобы понять его великий, положительно-исторический смысл.

Ангитеза знания как припоминания (у Платона) и знания-предвидения, которое формируется в наше время — одно из существенных выражений полярной направленности ретроспективного теологического мирозерцания древности и футуристического титанического мирозерцания грядущего. В свете такого знания-припоминания Платон, действительно, должен был относить к прошлому свой миф об Атлантиде. Но там, где Платон, познавая «припоминает», мы должны познавать-предвидеть. Поэтому для нас Атлантида не то, что было, а то, что **будет**, не то, что утрачено, а то, что еще не обретенно. На высоте достигнутой мощи и величия человека становится, наконец, возможным такое перемещение этого идеала гармонического жизнеустройства — из прошлого в будущее, знаменующее собой величайший мирозерцательный переворот. И это перемещение совпадает со сменой теологического мирозерцания грядущим титаническим. Благодаря такому перевороту сознание настраивается не пессимистически-пассивно, а оптимистически-активно, не нигилистически-отрицательно, а героически-положительно. Оно не отрицает мир, а преобразует его.

Таким образом, бытие пребывающее во временном, динамическом порядке, всегда по необходимости рассматривается или из прошлого, ретроспективно или из будущего, — футуристически. Процесс, как таковой, не может быть статической данностью, самодовлеющей и равной себе. Благодаря этому и настоящее всегда двулико и в этой своей двуликости — условно и неопределенно. Обращенное одновре-

менно и к будущему, и к прошлому, оно само есть тончайшее острие, на котором подвижное бытие удерживается лишь мгновение. Равновесие вповь и вновь нарушается. Но креном в будущее оно нарушается положительно, творчески, — таким нарушением движутся пророки, революционеры, творцы и бунтари. Креном в прошлое оно нарушается отрицательно, деструктивно, и им движутся реакционеры, упадочники, обскуранты. Наше время — время страшного, трагического колебания на таком острие настоящего, которое столь истончилось, заострилось, что становится уже неуправляемым. И впервые, как никогда, накануне решающего, всеопределяющего переворота, лихорадочно мечется вечный, мировой, космический вопрос: **было или будет...** Усынится ли человечество новым видением «Золотого Века» в прошлом или максимально будет разбужено видением его в будущем. Победит ли жизнь сновиденья или жизнь бодрствования, ночь нового средневековья или день нового восхождения. Однако, могущество человека достигло таких размеров, что снова его не победит былой религии немочи; человеческое сознание столь разгорелось, что его не потушить больше сумеркам теологической ночи. Именно на этой ступени мирового развития должно победить, наконец, футуристическое титаническое мирозерцание, ориентированное на будущее и стать больше невозможным ретроспективное теологическое мирозерцание ориентированное на прошлое.

Тем не менее, в известном смысле будущее и прошлое — коррелятивны: как сквозь будущее можно видеть прошлое, так сквозь прошлое можно предвидеть будущее. Первый способ рассмотрения есть история, второй — есть миф. Миф же не создает: он лишь грежит — и в этом теологическое мирозерцание; титаническое мирозерцание в том, что оно **создает**: его смысл в творчестве, в достижении. Поэтому первое относится ко второму, как мирозерцание символическое к реализационному. Следовательно, реальный смысл теологического мирозерцания в титаническом. Мифическое виденье прошлого реально лишь в предвидении будущего. Таким видением сквозь прошлое будущего, такой грезой древности о грядущем была и Атлантида.

На чем же основано это наше утверждение, что человечество у порога подлинного «Золотого Века», у преддверия к грядущему царству Атлантиды? Оно основано на реальном учете достигнутой мощи человека и его творческого величия, приближающих его к духу грядущего титанического мирозерцания, которое, в качестве идеи Общего Дела преобразования мира, и явится идеей назревшей новой высшей эры человеческого развития. Некогда Христос своим последователям возвещал: «мужайтесь: я победил мир». — Куда с большим основанием это мог бы сказать о себе уже современный человек, этот пока лишь предтеча грядущего Нового Человека, человека рождающегося в современных бурях и творческих Сверхшениях мироорганизующего прометеевского сознания. Подлинный Владыка всего и Промыслитель, Хозяин космоса и его Творец, он явится действительным Спасителем мира — не бывшим, а Грядущим, — его организатором и вдохновителем, осуществителем его чаяний и надежд.

В известном смысле, возможности движущей энергии, которыми обладает человек, могут служить критерием его общей производительной мощи. В этой связи достаточно указать на один тот факт современного знания, что человечество стоит у порога овладения, так называемой, атомной энергией. А это означает в возможности — абсолютное разрешение проблемы движущей силы. Обладая этой атом-

ной энергией, человек в отношении движущей силы становится подлинно всемогущим.

Общие производительные возможности уже современного человечества таковы, что если не допотопная общественная организация, их распыляющая и подавляющая, а организация, отвечающая их уровню и способная их полностью использовать и целесообразно применить, то уже **теперь**, при минимальных трудовых затратах, человечество могло бы пользоваться всеми благами матер. жизни. Потенциально современная техника уже содержит в себе все **материальные** данные для совершенного жизнеустройства людей, подлинного «Золотого Века», реально осуществленного, нужна лишь соответствующая организация человечества, чтобы эти грандиозные творческие возможности его могли быть реализованы. И то, что люди не могут надлежащим образом организовать эти свои великие созидательные силы, является источником всех современных кризисов, ибо все они, в конце концов, суть кризисы от изобилия, а не от недостатка, от всеодолевающей мощи человечества, а не от его немощи. Грандиозные творческие силы современности точно мстят за себя социально дезорганизованному, нравственно недостойному человеку. И лишены положительного, творческого применения, они исходят в саморазрушении и в стихийном бунте. Могучие резервуары творческой любви, таким образом, превращаются в пороховые погреба разрушительной ненависти, великие возможности протеевского Утверждения оборачиваются неисчислимыми стихиями беспощадного отрицания. Отрицанием движутся все современные большие обществен. политические движения: коммунизм живет отрицанием капитализма, фашизм движется отрицанием коммунизма. А между тем, мир созрел для великого, победного Утверждения, которым и закончится вся его предыдущая, полуживотная, до-человеческая история, исполненная животной борьбы за существование и откроется новая, подлинно человеческая его история, исполненная борьбы за бессмертие.

В другом месте (см. мою ст. «Смысл техники», № 4-5 «Т. Р.») мы уже указывали на великую миссию в этой области современной техники, которая быстро, в невероятной геометрической прогрессии — особенно с начала нашего столетия, вытесняет категорию трудовой стоимости из отношений хозяйства и тем самым освобождает человека от его материального рабства, от изначального проклятия необходимости борьбы за существование, необходимости хозяйственного труда. Ибо вместе с отмиранием трудовой стоимости, этой краеугольной экономической категории, отмирают и все другие, в последнем счете базирующиеся на ней, хозяйственные категории, как деньги, цена, прибыль, зар. плата, капитал и т. д., т.-е. все то, что и образует собой систему хозяйственной деятельности вообще. И действительно, вся история современного хозяйств. развития была историей общего падения цен, уменьшение нормы прибыли, цены на капитал и пр., что было не чем иным, как проявлением отмирания этих основных хозяйственных категорий, отмирания хозяйственной деятельности, как таковой. Недавно (1935 г.) Канада заключила в С. Ш. заем из 3/4%. Этот факт стоит того, чтоб его в этой связи отметить.

В то же время технический прогресс несет действительное преодоление и того вековечного социального зла в отношениях между людьми, зла социального неравенства, существования классов, которое коммунизм тщетно пытается преодолеть путем **механического** поравнения. Последней основой, как и культурно-историческим источником, социального неравенства, существования классов является не **распределение** собственности, что есть факт производного и частного значения, а изначально необходимый порядок всякой хозяйственной деятельности, порядок разделения функций между организа-

торским, интеллигентным и исполнительским, физическим трудом. И этот необходимый порядок не только исторически обуславливал, но в известном смысле и оправдывал изначальное существование социального неравенства. Техника же, вытесняя физический труд человека и перенося его на машину, тем самым, разрушает самое первооснову этого социального зла, со всеми его проявлениями рабства, эксплуатации, власти человека над человеком и т. п., подготавливая, таким образом, и с этой стороны совершенно новый, высший гармонический строй человеческого общежития. При этом, в противоположность коммунистической доктрине, она этой цели достигает не в производной сфере распределения, а в основной сфере производства, не на пути дележа существующих ценностей, а на пути творчества новых ценностей. Можно было бы уже теперь привести обширную статистику — особенно из американской действительности — показывающую, как быстро во всех областях современного народного хозяйства, так наз., простой, физический труд вытесняется машиной, этим новым железным рабом-исполнителем.

Таким образом, техника несет преодоление не только капитализма, отрицая все основные его категории: капитал, прибыль, зарплату и т. п., но и самой хозяйственной деятельности вообще, самой необходимости борьбы за существование. Тем самым, сам собою падает и идеал коммунизма — идеал **трудового хозяйства**, которое он противопоставляет капитализму, как нетрудовому, ибо сама трудовая стоимость, которая по его мысли должна стать всеопределяющей категорией хозяйства, отмирает, вытесняясь номинальной технической стоимостью. Здесь техника наносит наиболее тяжелый удар этому учению, изобличая реакционность и архаизм его догматических — с точки зрения идей современности — представлений. В основном он не многим возвышается над старинными поразительными идеями всякого рода коммунистических сект древности и Средних Веков с их апелляцией к требованиям равенства, справедливости и братства, к естественному праву на полный продукт труда, к общности имущества и пр.

Новое, что принес с собой современный коммунизм, это миф о пролетариате; но именно он в первую очередь и разрушается современной техникой, быстро вытесняющей низший физический труд из сферы производства и тем самым, разрушающей его общественное и историческое значение. В перспективе современному пролетариату грозит превратиться из демиурга общества, каким его представлял себе Маркс, в его индивидуума, в праздную толпу городской черни, напоминающую римские городские толпы времен упадка. Во всяком случае, техника, особенно в последнюю стадию своего развития, показала, что не пролетариат — носитель физического труда, а именно она — продукт творческого, интеллигентного труда, является демиургом современного хозяйственного развития и носителем грядущего раскрепощения человечества от его изначального материального рабства.

Но и по существу своему коммунизм, собственно, озабочен не материальным раскрепощением человека, а **равенством**, — не проблемой творчества, а **распределением**. Потому все то, что он предлагает, есть в лучшем случае паллиатив, а не действительное разрешение великого современного социального вопроса. В результате его осуществления лишь все стали бы **беднее**, так как перераспределение ведь произошло бы на той же матер. базе; условия борьбы за существование стали бы лишь иными и более равномерными, но отнюдь, не была бы упразднена сама необходимость этой борьбы. Больше того, практика осуществления этого учения показала, что оно приводит к еще большему обострению этой необходимости борьбы за суще-

ствование, а стремление к равенству, действительно, приводит лишь к равенству во всеобщей нищете. Все утопические планы перераспределения благ в духе коммунизма ничего не разрешают в проблеме борьбы за существование, т. к. эта проблема есть прежде всего проблема не **распределения**, а **творчества**, не отношения людей между собой, а отношения всего **рода человеческого** к Природе. Следовательно, это проблема общекультурного прогресса, и прежде всего, прогресса техники. И техника разрешает ее. Осуществляя покорение Природы, она снимает это, изначально тяготеющее над человеком, проклятие необходимости борьбы за существование, борьбы с Природой и закладывает **материальную** базу грядущего подлинного «Золотого Века» материально освобожденного человечества, базу его высшего, гармонического жизнеустройства.

Когда то это в некоторой мере понимал и марксизм — эта доктрина современного коммунизма, хотя большинством своих других элементов он низводит и это положение к нулю. Сам же он в целом является учением регрессивным в самом роковом и радикальном смысле. Он не только не мобилизует творческую мощь человека, но всячески снижая, разлагая и дисквалифицируя его, он ее демобилизует. Последыш и выроdek буржуазно-мещанского материалистического мирозерцания, он несет в себе духовный маразм этого последнего в актуальнейшем и концентрированном виде. Не первое слово самоотверждения Нового Мира, — он лишь последнее слово самоотрицания старого мира, не идеология рождения, а идеология смерти. Отсюда этот его тлетворный, разрушительный и мертвенный дух, обрастающий душн своих последователей в дустоты или гнойники. Если путь к грядущему гармоническому жизнеустройству идет через форсированный общекультурный прогресс, через историческую мобилизацию человечества в Общем Деле преобразования мира, то марксизм со своей практикой коммунизма, ведет в прямо обратном направлении. Это выражается уже в его пролетарско-классовой идее. Ведь всякий прогресс вообще, а технический в особенности, движется прежде всего прогрессом знания, интеллектуальных сил, культурных возможностей. Следовательно, ценности этого рода и их носители должны быть поставлены на первый план, стоять превыше и прежде всего иного. Коммунизм же, наоборот, всячески оттесняя, дискредитируя и подавляя самый мозг общества, все высшие интеллектуальные слои его, тем самым обезглавливает культурный прогресс, лишает его авангарда, носителя и главного двигателя. С другой стороны, утверждая в качестве «господствующего класса», людей голого физического труда, а то и просто темных, низших элементов общества, он, подчиняя их интересам и вождениям все интересы общества и прогресса, утверждает одну из худших форм социального паразитизма, как это приняло чудовищные размеры в современном его опыте в России. В духе своей чисто негативной доктрины социального шкурничества, он думает, что достаточно передать все «средства производства» в «мозолистые руки» «рабочих-пролетариев», да «повыпотрошить кишки» у «буржуев кровопийц», как все остальное само собой образуется. Ему и в голову не приходит с его несложной, рассчитанной на простаков, «идеологией», что дело здесь идет ни больше, ни меньше, как о создании совершенно новой, высшей культуры, при том некоего особого небывалого еще типа: ведь она должна соответствовать первому во всемирной истории гармоническому жизнеустройству людей. А этого нельзя достигнуть с его разрушительно-разлагательными идеями и всеподавляющими полицейскими методами.

Следовательно, путь к грядущим высшим формам общественности идет не через социальное снижение, а через возвышение, не через перераспределение созданных ценностей, а через форсиро-

ванное творчество новых ценностей — через историческую мобилизацию человечества в Общем Деле преобразования мира, через его прометеевский подвиг Творчества-Труда. Но такой творческий путь означает не диктатуру худших, а **диктатуру лучших**, не строй «пролетарской» охлократии, а строй новой, трудовой творческой аристократии, — аристократии духа, состоящей из лучших представителей **всех форм творческой деятельности**, аристократии Творчества-Труда.

В этой связи стоит, выдвигаемая нами идея **Научного государства** (см. мою ст. «К идее научного государства», № 3 «Т. Р.») и наша социальная ориентация не на пролетариат — категорию распределения, а на Трудящихся — конструктивную категорию Творчества-Труда.

Однако, говоря о технике, как о способе покорения человеком Природы, мы всюду подчеркнуто указываем, что она создает лишь **материальную базу** грядущего «Золотого Века» человечества, неся материальное раскрепощение его, освобождение от проклятия необходимости борьбы за существование. Но такое материальное раскрепощение человечества, высвобождающее все его духовные силы и способности, которые оно прежде в подавляющей части тратило на борьбу за существование, явится, тем самым, почвой его величайшего нравственного возвышения, основой для некоей небывалой Духовной Революции. Полуживотное в эту предшествующую эру своего развития, человек — некий полубог в эту грядущую эру, откроет собой впервые достойный его образ высшего существования, когда потенциальный Абсолют он сделает предметом своего существования и утверждения Абсолютного. Организация Природы и овладение пространством, этим принципом Природы, есть лишь низший аспект организации мира, волей к которой исполнено прометеевское сознание нового человека. Но по мере **предварительного** завершения этой задачи покорения Природы и овладения пространством, человечество приобретает к **высшему аспекту** организации мира, к аспекту **организации Истории** и овладения временем, как принципом Истории, являющимся, таким образом, принципом человеческой судьбы. Достигая власти над своим материальным **положением** и завершая борьбу за существование там, в низшем аспекте организации мира, в аспекте покорения Природы, человек достигает власти над своей **судьбой** и приобретает к борьбе за бессмертие здесь, в этом высшем аспекте организации мира, организации Истории. Ибо принцип истории, время есть категория судьбы, в пределе — категория смерти. И организация истории, овладение временем есть овладение своей судьбой, есть победа над смертью. Следовательно, если там дело идет об обеспечении животного существа человека, об обеспечении его существования, то здесь дело идет об утверждении Абсолютного достоинства его, об осуществлении его абсолютной жизни. Во всем своем величии и полноте прометеевское призвание человека в мире раскрывается именно в этом высшем аспекте его творческой деятельности, аспекте организации Истории и поэтому обретение достойного его жизненного идеала, его как абсолютного существа, возможно лишь на этой почве.

Высший смысл Творчества-Труда состоит в **абсолютизации** мира. Закон относительности — закон материального бытия, закон абсолютности — закон духовного бытия. Следовательно, победа творческого начала духа над деструктивным началом материи это победа абсолютного над относительным, это творческая победа человека над смертью. Творчество-Труд есть реализация в конечном Бесконечного, есть утверждение во временном Вечного. В нем относительное, — человек становится Абсолютным — Богом, смертное преодолева-

етей в бессмертном. И в этом путь Истории, путь прометеевского Подвига творческого Сверхения, путь трансцендентного Восстания мира.

Не Бог сотворил мир, а мир создает Бога. Мировое Становление и есть становление Абсолюта, есть Восстание, Воскресение бытия. И таков предельный замысел мироорганизующего титанического мирозерцания, ставящего Творчество-Труд в движущий центр Мирового Становления-Восстания, полагающего своей идеей—Спасение мира силами Человека. Абсолютное утверждение человека, победа над смертью, — когда она осуществляется силами «божественной благодати», есть теологическое мирозерцание, и — титаническое, — когда она осуществляется силами человека в его прометеевском Подвиге Творчества-Труда.

Таким образом, грядущий прометеевский фуританический общественный идеал творчески обретенного «Золотого Века» (мы прибегаем к этому комбинированному термину: «фуританический» за именем более подходящего) не должен пониматься односторонне материалистически, лишь со стороны удовлетворения одних материальных потребностей человека. Ибо это **жизненный**, а не только хозяйственный идеал, — призванный удовлетворить запросам человека, как абсолютного существа, а не только потребностям его, как животного существа. В жизни же все со всем связано, все друг другом обусловлено. Поэтому данный идеал есть **целостный** идеал. Он выражает собой целостное синтетическое мирозерцание. В нем ничто не может быть по настоящему осуществлено без всего иного, и осуществление в нем одного предполагает и делает возможным осуществление другого.

Это необходимо особенно подчеркнуть касательно следующего: если идеал подлинного «Золотого Века», как прометеевский фуританический замысел творческого преобразования мира, есть замысел и идеал мироорганизующего титанического мирозерцания, то с другой стороны, только на почве такого мирозерцания возможно осуществление этого идеала, — не только материально, но и духовно. Цели должны соответствовать путь, средства должны быть на уровне целей. Должно быть обретоено соответствующее мирозерцание величия и могущества человека, чтоб на его почве мог быть обоснован отвечающий ему фуританический идеал грядущего «Золотого Века», требующий для своей реализации предельной мобилизации творческих сил человека, предполагающий нечеловеческое, именно титаническое усилие его грандиозной творческой мощи. Таким мирозерцанием и служит героическое титаническое мирозерцание, являющееся подлинной манифестацией творческой мощи и величия человека и означающее предельную активизацию его творческих сил. Поэтому, лишь в той мере, в какой люди в своем всемирно-историческом развитии приближаются к возможности такого мирозерцания, знаменующего соответственные размеры творческой мощи и величия человека, становится возможным и такой идеал, покоящийся на этом его творческом величии.

Таким образом, путь к прометеевскому фуританическому идеалу гармонического жизнеустройства, к подлинному «Золотому Веку» грядущего идет через **историческую мобилизацию человечества в Общем Деле преобразования мира**, через его активное мироорганизующее Братство.

В этой **формуле реализации** нового жизненного идеала — исторической мобилизации человечества в Общем Деле преобразования мира, соединены: путь этой реализации, с одной стороны, и **поприще нового подлинного героизма** — с другой. В то же время это способ

форсированного исторического Сверхления, с которым и связано существо прометеевского фуриганического общественного идеала.

Все эти моменты реализации объединены в мироорганизующем героическом титаническом миросозерцании, действительное приобщение к которому человечества и является условием его возвышения к новым, гармоническим жизненным формам.

Следовательно, чтоб встать в уровень с этим, всемирно-исторически назревшим фуриганическим идеалом грядущего «золота Бека», человечество должно пройти через некую величайшую Духовную Революцию, которая, с одной стороны, преодолевает маразм материалистического миросозерцания современной цивилизации, с другой — подымет его на уровень того грядущего титанического миросозерцания, которое уже теперь предопределено всей грандиозностью и величием переживаемой всемирно-исторической действительности.

Основное, что характеризует культурно-исторический момент переживаемый современным человечеством и что является, в конце концов, источником всех его конфликтов и несоответствий, есть тот трагический факт, граничащий с духовным самоудушением его, что современное человечество находится не на уровне своих возможностей. Уродливо-примитивные формы сознания и жизни парализуют его творческую мощь, оставляют в состоянии распыленности, прострации и неприиспособленности грандиозные резервуары созидательных энергий. По своей потенциальной творческой мощи совр. человек уже на уровне титанического миросозерцания, а по своему реальному положению он еще во власти филистерского, буржуазно-мещанского материалистического миросозерцания. Полубог по своим дремлющим творческим возможностям, он ведет существование полускота в своей реальной действительности. В этом величайший парадокс нашего времени, грозящий опасностью страшного, некоего апокалиптического взрыва его грандиозных неиспользованных возможностей.

Человек нашего времени стоит перед замечательной и роковой дилеммой: либо он должен подняться на уровень своих возможностей, приблизившись к объективно назревшему, титаническому миросозерцанию и реализовав эти возможности в творческом Подвиге преобразования мира, либо, так как вызванные грандиозные силы не могут остаться никак не реализованными, в страшном катаклизме саморазрушения, от них же погибнуть. Оставаться попрежнему в состоянии ничтожества ему больше не дано.

Из всего сказанного следует, что с новой зарождающейся в наше время высшей эрой человеческого развития становится больше невозможным ни теологическое миросозерцание, ни материалистическое, ибо впервые, наконец, становится необходимым высшее титаническое миросозерцание, как ответ сознания на запрос новой, небывалой в своей грандиозности, действительности. Тем самым, это будет концом великой вековой борьбы и раздвоенности сознания человека между тезой теологического миросозерцания и антитезой материалистического, и обретением гармонического единства в Синтезе титанического миросозерцания, преодолевающего ложь того и другого и вмещающего их правду.

Если предмет первого — Бог, — категория теологического Неба, а предмет второго — Человек, категория матер. Земли, то предмет третьего: Человек-Бог, категория Земли и Неба, знаменующая собой творческое единство реализации идеального, с одной стороны, и идеализации реального, с другой.

При этом, в данном противопоставлении изначально раздвоенного человеческого сознания самостоятельное значение имеет лишь «те-

зая, лишь теологическое мирозерцание. Материалистическое имеет смысл лишь, как производная его антитеза, как отрицание его. Поэтому оно могло жить и следовательно, должно умереть вместе с ним, как своей отрицаемой «тезис», когда в исходе вековой их борьбы миром овладеет Синтез Третьего, титанического мирозерцания. Следовательно, правда матер. мирозерцания лишь негативная правда, имеющая свое оправдание и смысл лишь в отношении ко лжи сознания им отрицаемого. В качестве такового, оно лишь расчищает место для единственно положительного, титанического мирозерцания, само по себе представляя лишь отрицательную ценность. С помощью этого мирозерцания можно бороться, но с ним нельзя жить, при его посредстве можно разрушать, но на нем нельзя ничего строить.

Из этого следует, что вообще возможны лишь три основных типа мирозерцания, из которых, к тому же, третий, как высший и синтетический, вмещающая, в то же время преодолевает два других. Но сейчас для нас существенно, прежде всего, отметить ту ложь, общую для первых двух из них, которая состоит в предельно пониженной оценке человека, в противоположность третьему, отличающемуся его предельно-повышенной оценкой. Низменности и ничтожности человека характеризуют представления материалистического мирозерцания, немощь и рабство его характеризуют теологическое мирозерцание. Им противостоит титаническое, как мирозерцание величия и могущества человека. Поэтому последнее может прийти лишь на известном уровне всемирно-исторического развития, отмеченном соответственными масштабами достигнутых соотношений бытия.

Этим высшим синтетическим единством мироорганизующего титанического мирозерцания отличается и его прометеевский фуританический жизненный идеал, идеал создаваемого «Золотого Века», «рая», осуществляемого здесь на земле, силами самого человека. Он, с одной стороны, безусловно реалистичен, с другой — абсолютно идеалистичен. В нем, как сказано, Бог и Человек сходятся в синтезе Человечка-Бога. Антиреалистический теологический идеализм и антиидеалистический материалистический реализм в нем вмещаются и преодолеваются в синтетическом идеал-реализме, или в подлинном и целомном реализме.

В силу этого, из трех возможных типов мирозерцания жизни идеал — в собственном смысле — полагают лишь два из них: теологическое и титаническое, хотя эти идеалы полярно-противоположны. Как теологическое обещает «рай» на небе, так титаническое созидает его на земле. В этом смысле они полярно-подобны. Но первым человек живет с изначальной эры своей творческой немощи, второе приходит с наступлением эры его творческого могущества.

В противоположность им, этим двум основным типам мирозерцания, третье, материалистическое, как являющееся только антитезой к теологическому, никакого идеала по существу не знает, и по природе своей, не должно знать. Идеал есть реальность именно идеалистического сознания. Материалистическое же имеет значение лишь как реалистическая антитеза к ирреально-идеалистической тезе теологического сознания. Поэтому выдвигать идеал нового, высшего жизнеустройства и базировать его на материализме, как это делает, в частности, коммунизм, это все равно, что обрезать крылья для того, чтоб возможно было летать.

Тем не менее, творческая бесплодность отличает равно и то, и другое из этих двух антитезических форм сознания — и теологическое и материалистическое мирозерцание; но порок одного в мертвом анти-идеалистическом реализме, порок другого в безжизненном анти-реалистическом идеализме. По существу оба эти мирозерцания яв-

ляются мирозерцаниями **нигилистическими**, разница лишь в способе отрицания ими бытия. Теологическое является **нигилистическим** в отношении **реального**, материалистическое есть **нигилистическое** в отношении **идеального**. Но так как подлинно реальное есть в то же время идеальное, а подлинно идеальное есть единственно реальное, то отрицать первое из них, значит отрицать и второе, а отрицать второе, значит также отрицать и первое. Следовательно, употребленный выше термин: «идеал-реализм» есть, по существу, тавтология, и мы употребили его лишь в условном смысле, ибо действительный реализм по самой природе своей идеалистичен, и подлинный идеализм по необходимости реалистичен.

При таком безусловном нигилизме того и другого мировоззрения, естественно, что ни одно из них не может быть строительным, мироорганизующим. Теологическое мировоззрение все обещая в «ином», «не здешнем» мире, в «потустороннем» плане, на «небесах» и пр., с одной стороны, и всячески дискредитируя, черняя и оскверняя «этот», реальный мир — с другой стороны, тем самым, в качестве **нигилистического** в смысле отрицания реального бытия, уводит человека от мира и **демобилизует** в мире его, в то время как материалистическое, как **нигилистическое** в смысле отрицания идеального бытия, духовно дисквалифицирует человека и нравственно идиотизирует его. Идеал человека одного — идеал **юродивого**, идеал человека другого — идеал **хамы**. А должен быть обретен идеал Человека-Прометея-Деммурга-Борца-Героя-Творца-Победителя, чтоб он мог быть на уровне этой мечты творчески обретенного «Золотого Века», чтоб достижение власти над своей судьбой человеку было под силу. Иными словами, человек должен быть человеком именно героического титанического мирозерцания, чтоб соответствовать этому назревшему своему вековечному идеалу, чтоб, как субъект, он был на уровне назревшего исторического объекта. Но таким человек и становится с зарождающейся в паше время высшей эрой всемирно-исторического бытия, отражая в себе субъективно то, что совершается в мире объективно.

Здесь достаточно уяснить одно простое соображение. Уже теперь, как мы выше отметили, и чего никто не станет отрицать, творческая мощь человека достигла грандиозных и небывалых размеров. Но эта его творческая мощь с каждым днем, в невероятной прогрессии, возрастает все больше и нигде не видно конца, чтоб это невероятное возрастание могло когда либо остановиться. Следовательно, чем **дальше**, тем больше становится необходимым именно титаническое мирозерцание, осмысливающее и отображающее эту невероятную мощь человечества и его творческое величие, иначе, как тот заклинатель, что вызвал духов, с которыми он сам потом не в состоянии был совладать, оно должно будет погибнуть от собственных чудовищных сил, им же призванных к жизни. Этому запросу не могут ответить ни люди юродивого теологического мирозерцания, которым перед раскрывшимися страшными, грандиозными силами человека остается лишь в ужасе мистически скулить, ни люди скотского материалистического мирозерцания, которым перед лицом этой божеской творческой мощи его вообще сказать нечего. Герои и поборники лишь всего того в человеке, что в нем есть снизу до поясницы и безразличны, как к «падстройке», ко всему, что в нем есть выше, они, со своим свинным реализмом, проповедуя низменность и ничтожество человека, культивируя в нем духовно-нравственный идиотизм, способны лишь снижать его, а не возвышать, не подымать к уровню вставших перед ним божеских, прометеевских возможностей и заданий. В наш исторический эон, когда на человека силой вещей выпадает столь огромная, можно сказать, божеская ответственность в мире, его надо учить чувству своего высшего достоинства и призвания, чтоб

он не устрасился этой ответственности своей и не бросился вновь в объятия того теологического мирозерцания, которое является сознанием его **духовного детства**, его духовной неизменяемости. А между тем, материализм — все равно: буржуазный или «пролетарский», есть именно учение, исключающее сознание такого достоинства человека и его призвания. В истории человеческого духа не было учения в большей мере прижимающего, умаляющего и обезображивающего представления о человеке, чем это торгашеское, мещанско-филистерское мировоззрение, для которого, в конце концов, человек есть лишь пиццаварительный канал, принимающий и выделяющий то, для чего он бредет и живет: «человек есть лишь то, что он есть» (Фейербах). Можно лишь удивляться странному и патологическому парадоксу, что на вершине величайшей в мировой истории эпохи такое «учение» не только может существовать и серьезно обсуждаться, но даже завоевывать жизнь и приобретать власть над ней.

Сознание людей коррелятивно их бытию — независимо от того, чему приписывается примат. Именно это существенно — факт соотношения того и другого. Поэтому лишь при определенном сознании возможен известный образ жизнеустройства и лишь при определенных формах жизнеустройства возможно соответствующее им сознание. То ветхое сознание антитезы теологического и материалистического мирозерцания, которым жило человечество до сих пор, определяло и определялось именно теми условиями и формами жизни, которые господствовали в течении всей этой предварительной, **преисторической** эры человеческого существования. И новая высшая эра человеческого бытия, эра Истории в собственном смысле, которая идет на смену господствовавшей до сих пор, предполагает и новое высшее сознание, по самой природе своей определяемое и определяющее ее. И если предыдущая эра немочи и рабства человека, ничтожества и низменности его, была эрой антитезы теологического и материалистического мирозерцания, то грядущая высшая эра могущества и свободы человека, величия и высшего достоинства его будет тем самым, эрой высшего Синтеза — титанического мирозерцания. Нельзя ни разделять, ни противопоставлять то и другое, мыслить осуществимость одного или другого вне связи их между собой. Грядущий «Золотой Век» человечества это эра торжества титанического мирозерцания, и действительное торжество в сознании людей этого последнего означало бы наступление этого будущего «Золотого Века». Одно призывает другое, одно предполагает и содержится в другом. Поэтому современное человечество нам представляется у преддверия своего исторического Исполнения, своего прометеевского Торжества не только в силу обретенного им внешнего материального могущества, но и в силу достигнутого им **духовного** предела в развитии предыдущей предварительной эры его существования, эры его пред-исторического, полуживотного бытия. Мы живем не только в условиях грандиозного материального переворота, но и в атмосфере величайшего Бунта человеческого достоинства, не только в происходящей Социальной революции, но и в зачинающейся Духовной Революции.

Теперь мы можем вновь вернуться и заключить величественным Платоновским мифом о «бывшей» Атлантиде, которая в соответствии с происходящим в нашу переходную эпоху великим **мирозерцательным переворотом**, превращается для нас из бывшей в грядущую.

Как сказано выше, Атлантида — наиболее возвышенный и прекрасный миф о «Золотом Веке» древности. В духе ретроспективного теологического мирозерцания он отнесен в прошлое, как утраченный в страшной провиденциальной катастрофе павшим человечеством.

Но современное человечество накануне подлинного «Золотого Века», — не прошлого, а будущего, у преддверия к подлинному царству «Атлантиды», — не бывшей, а грядущей. Поэтому этот древний, детски наивный, мифический образ-идея, приобретает для нас теперь исторически вещный и актуальный смысл. Мы у завершения предварительной стадии человеческого развития, стадии пред-исторического геологического миросозерцания, с его антитезой — материалистическим миросозерцанием, и мир накануне прометеевской фуританической эры собственно Истории, эры грядущего титанического миросозерцания. Таким образом, Атлантида не пренестория, как ее изображает автор недавно вышедшей замечательной книги на эту тему Д. С. Мережковский («Тайна Запада»), а История в собственном смысле, символ подлинного исторического бытия человека, ставшего владыкой и творцом своей судьбы.

Атлантида не исторический факт, а исторический символ, и потому она, собственно, сказание не о том, что было, а о том, что должно быть, что будет. Сам Платон, бывший во власти господствовавшего тогда ретроспективного геологического миросозерцания, оставался, повидимому, неопределенным на этот счет. Вопреки себе, это говорит и Мережковский: «Атлантида — рай на земле, но какой, бывший или будущий, этого Платон не знает», даже: «не смеет (?) знать».

При этом, здесь дело идет об Атлантиде, не как о географическом факте существования и исчезновения некоего материка, — пусть даже с известным культурным уровнем жившего на нем населения. Этот вопрос, поскольку он вообще имеет право на существование, есть предмет эмпирического научного знания, как и множество других вопросов подобного же географического и геологического характера. Но из него никакой «мистики», никакой «идеологии» и «философии» извлечь нельзя. Дело идет об Атлантиде, как о некогда существовавшем «рае на земле», как об утерянном «Золотом Веке». И если может иметь свои основания, — пусть и очень сомнительные, — геологически-географическая проблема-гипотеза о существовании и гибели Атлантиды, как некоего населенного материка, то не может быть даже постановки такой исторической проблемы, поскольку речь идет об Атлантиде, как воплощении высшего гармонического жизнеустройства, «рая на земле», ибо это означало бы перевернуть всю историческую последовательность в противоположно-обращенном порядке: видеть в начале то, что должно быть в конце и обратно. Для этого пришлось бы опрокинуть все современное естественно-научное и историческое знание и отдать во власть древних и примитивных геологических представлений. Это тем более является опрочечивым со стороны тех авторов которые, как в данном случае Мережковский, решаются таким образом трактовать эту проблему, оставаясь в то же время на почве именно этих «позитивных» знаний.

Миф об Атлантиде есть, именно, миф, имеющий, следовательно, символическую, а не фактическую реальность. И его смысл также не в исторической правдивости того, что он изображает, как смысл, скажем, «Гамлета», не в том, жил ли на самом деле «такой» принц Датский. Так воспринимать миф не только не означает извлекать из него его подлинное значение, но, наоборот, означает лишить его всякого существенного значения. При таких представлениях над всеми мифами, как и произведениями искусства, справедливо должен был бы торжествовать один, в этом смысле подлинный реалист-материалист Смердяков: «про неправду написано», к этой фразе которого ведь и сводится, в конце концов, сущность лишь отрицающего все материалистического «реализма».

При этом, отрицая фактическую реальность мифа, в частности, мифа об Атлантиде и настаивая на его символической реальности, мы этим не только не умаляем его действительной реальной ценности, но, наоборот, в предельной степени возвышаем ее. Содержание мифа бесконечно больше того, о чем он повествует. То, о чем он говорит, только буквы, по которым мы можем прочесть его мысль. Миф — не исторический снимок, а смысловой знак, не фотография, а символ. И относиться к нему иначе, значит в нем также ничего не понимать, как относиться к рассказу — художественному произведению, как к рассказу в прямом смысле. Поэтому когда Мережковский все свои таланты и огромную эрудицию направляет именно на то, чтобы во что бы то ни стало, «доказать» что Атлантида «была», то это, действительно, то же самое, что в трагедии «Гамлет» усматривать главную суть в том, что жил, на самом деле, «такой» принц Датский.

Тем не менее, как последователь теологического мирозерцания, ретроспективного по самой своей сущности, Мережковский и не может иначе поступать: он должен «доказывать», что Атлантида «была». В этом замысел и идея его мирозерцания. Но так как этого доказать нельзя, то вместе со всем его построением падает и этот замысел и эта идея; падает и попытка гальванизации мировоззрения, безвозвратно отошедшего в прошлое. Даже если рассматривать Атлантиду, как простой географический материк, с известной даже культурной жизнью на нем, то и тогда скорее приходится присоединиться к «широко-распространенной и излюбленной гипотезе» (Р. Геннид), что Атлантида, как исторический факт есть голый вымысел. «Доказывать» же, что Атлантида «была», как «рай на земле», как «первое» счастливое человечество, в наше время уже просто как то не удобно. Сам Платон, относя, в духе господствовавшего тогда теологического мирозерцания, свой образ-идеал в прошлое, не сообщал, по видимому, ему значения фактической реальности. Это видно уже из самого его изложения. Излишне при этом географические уточнения служат лишь целям необходимой декорации, нужной ему для его символического представления. Противореча самому себе, об этом также говорит и Мережковский: «Математической точностью (описания) он (Платон), может быть хочет нас уверить в действительности того, что описывает; но это плохо ему удастся; мифом пахнет его математика». — Хотя в другом месте (стр. 29-30) он же, указывая на эту точность описания, видит в ней доказательство, что Атлантида — исторический факт.

Во всяком случае, как говорит вопреки себе тот же Мережковский, никто за эти протекшие две с половиною тысячи лет не установил еще, как думать сам автор Атлантиды, Платон: был ли для него это миф или история? Какое же право мы имеем наделять фактической реальностью то, что остается неопределенным у самого его автора? При этом сила очевидности того, что дело идет именно о мифе, такова, что сам Мережковский — по видимому невольно — неоднократно говорит о «мифе» Атлантиды. Но если это миф, то как можно доказывать, что его сказание есть факт истории?

В действительности, для Платона образ Атлантиды был лишь символическим воплощением главного создания его мудрости — идеала совершенной «Республики» — в тогланнем широком смысле этого слова. В свете творческой деятельности величайшего мыслителя всех времен, отца всех утопий, которая вся, в конце концов, была устремлена к обретению совершенного общественного идеала, к построению образа гармонического жизнеустройства, такой идеологический смысл мифа об Атлантиде совершенно понятен.

Таким образом, сам автор этого сказания об Атлантиде не дает никаких положительных данных для утверждения того, что Атлантида «была». Последующая же история для представления таких положительных данных имела еще меньше оснований. Это также своими вопрошаниями подтверждает и Мережковский: «Что значит это мертвое молчание истории? Почему голос Платона единственный?». — Потому, надо думать, что истории, как таковой, не о чем было говорить, потому что в истории такого факта просто не было. А те, что говорят об этом факте, «только позторяют или искажают Платона». На это указывает и известный знаток вопроса (Csell): «Атлантида упоминается им (Платоном) одним, да теми, кто его читал». («Histoire ancienne de l'Afrique du Nord»). Однако, лишенный исторических свидетельств людей, Мережковский не отступает: «Люди молчат, — говорят боги, звери, злаки, камни, воды — вся тварь». На этих «свидетельствах» камней, зверей, злаков, богов и вод, он и строит свою апокалиптическую гипотезу о гибели «первого человечества».

При столь слабой положительной аргументации в пользу того, что Атлантида «была», аргументации, притом, по необходимости постоянно проваливаемой самим автором, естественным является вопрос, не оставляющий нас в течение чтения всей книги: зачем, собственно, понадобилось Мережковскому это безнадежное предприятие во что бы то ни стало доказать, что Атлантида «была»? Откуда этот странный пафос утверждения первого великого Отрицания, каковым в его изображении является миф о гибели Атлантиды!?... Но выше мы уже указали на сокровенную движущую причину этого. Строго говоря, его монументальное произведение это не столько исторический трактат, сколько какая-то идеологическая поэма. Именно поэтому, после Платона, это самое значительное создание на данную тему, так как и по существу бессмысленно писать по этому вопросу научно-исторические труды. Смысл же этой поэмы — в апологии определенного рода мировосприятия. Это своего рода «Апокалипсис нашего времени», теологическая поэма Конца. Перед грядущим всемирно-историческим свершением великого **Утверждения** она есть страшный предсмертный выкрик вековечного теологического Отрицания, в наше время еще раз судорожно вслыхнувшего, чтоб затем потухнуть навсегда. «Если Атлантида была, говорит Мережковский, то вся история озаряется новым светом». Да, действительно, скажем мы от себя: вечерним светом Конца, лунным светом теологической Ночи.

Но если для человека теологического мирозерцания тема Атлантиды есть тема апокалиптического ужаса, нигилистического Отрицания, то для человека титанического мирозерцания это тема прометеевского торжества, творческого Утверждения, ибо движущее чувство, в котором живет первый, — **священный Страх**, движущее чувство, в котором живет второй — **творческая Радость**. Это обуславливается уже ретроспективной и футуристической установкой одного и другого, при которой в первом случае все становится хуже и удаляется от Идеала, во втором — все, в конце концов, становится лучше и приближается к Идеалу. Для первого мир идет к предельному Отрицанию всего, к Апокалипсису всемирно-исторического свершения, для второго он идет к абсолютному Утверждению всего, к **Апофеозу** всемирно-исторического свершения, к победе над смертью и всеобщему Восстанию-Воскресению. «Страх смертный находит на него» (Платона), говорит Мережковский, когда он писал «Атлантиду»; не дописав, умер от страха» (!?). Действительно, ведь для него «речь идет не о пустяках, а о самом для него святом и великом — Граде человеческого!» В таком же вопросе должна выразиться вся полнота характера мирозерцания.

Этой величественной Платоновской мечтой об Атлантиде беременна современная, мучающаяся в страшных родах Россия. Старый мир, проклятый всеми проклятиями рода человеческого, придя в лице коммунизма на ее территории к своему предельному самоотрицанию, делает, тем самым, возможным и необходимым рождение Нового Мира. В этом великая миссия России, зачинательницы подлинно новой высшей эры человеческого существования, эры фурианического Утверждения человека, его прометеевского Торжества. Перед назревшей исторической мобилизацией человечества в Общем Деле преобразования мира Россия несет клич этой мобилизации, она ее грядущий штаб. Начало и Конец нового и старого мира, средоточие исторических Сверхений своего времени, Россия — авангард нового синтетического человечества, рождающегося в нашу эпоху, — трамплин в Будущее.

Человечество, независимо от форм и ступени своего развития, всегда состоит из отдельных народов — восходящих и нисходящих, ведущих, передовых и второстепенных, отсталых. В силу этого на каждой данной ступени всемирно-исторического развития всегда тот или иной народ или комплекс народов является носителем, инициатором и средоточием общечеловеческого развития. Народ такой это тот народ, в который, по выражению великого философа (Гегеля), вселился Дух истории на данной ступени его самораскрытия. Таким народом, в который творческий Дух истории вселился на нашей ступени общечеловеческого развития, является русский народ или, точнее, комплекс российских народов. И потому именно ему принадлежит роль вождя, инициатора и вестника дальнейшего всемирно-исторического движения. Русский народ соединяет в себе все необходимые качества, какие требуются новым фурианическим замыслом исторического Сверхения, отмеченным прометеевской титанической волей к преобразению мира, волей к героической мобилизации человечества в преобразяющем Творчестве-Труде. Народ с героической социальной совестью, с обретенной прометеевской надеждой творческой победы, с вещью печатью исторического гения на челе, — такой народ, по самому существу своему, призван быть носителем грядущей новой высшей эры человеческого существования, эры исторической мобилизации человечества в Общем Деле преобразования мира, знаменующей собой начало Истории в собственном смысле. В этом смысле Россия — страна подлинной грядущей Атлантиды, — творчески обретенного «Золотого Века» на раскрывшихся путях Истории, страна прометеевского Торжества человека в Общем Деле преобразования мира.

II. Боранецкий.